

ИЛ Ъ Я К Л Е Н О В С К И Й

ПЕТРИФИКАЦИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Повесть «Точка сборки»

Илья Кленовский

Петрификация

«Автор»

2026

Кленовский И.

Петрификация / И. Кленовский — «Автор», 2026

ПЕТРИФИКАЦИЯ Повесть «Точка сборки». Пётр Гарчев — сорокавосемилетний ИТ-консультант, привыкший просчитывать риски и выстраивать эффективные бизнес-системы. Он давно понял правила игры в крупных корпорациях: наверх проходят не благодаря уму, а через лояльность. Сам Пётр вычеркнут из этой матрицы — он живет в состоянии неопределенности, уворачиваясь от кризисов и бесконечных внешних запретов. Очередное собеседование в крупном холдинге должно было стать лишь рутинным этапом в поисках работы. Но за дверями просторного кабинета Пётр сталкивается с Андреем Моховым — жестоким собственником бизнеса, сохранившим повадки из криминальных девяностых. Когда разговор перерастает в унижительный фарс, а на лбу Петра оказывается холодный металл «Беретты», система дает сбой. Мохов катит пистолет по столу, предлагая проверить, на что кандидат способен в реальности. Один выстрел в упор меняет всё. Мосты сожжены, и прежняя жизнь навсегда уходит в прошлое.

© Кленовский И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Илья Кленовский

Петрификация

Глава 1

В Подмосковье осень выдалась в этом году не такой серой, как обычно. В неделю, бывало, несколько солнечных дней, почти нет дождей, и краски на листьях делают мир менее тревожным.

Петр живет в Подмосковье, ближнем, но не элитном. Просто человек, но построенный в той части эпохи, когда даже человеки делали с душой. Большое окно на средних этажах давало хороший вид на луг и небольшую речку. Петр смотрел на это, и его внутренняя долголетняя серость растворялась в этих красках и глубине. Он ловил этот момент. Замер у окна и не шевелился. Он хотел этого растворения и тщательно ловил любой такой момент — их было крайне мало.

«Всё-таки речка красивая. Она успевает два раза сделать поворот за один взгляд. Это почти идеально. Она не похожа на полноводные речки, как в Питере. Или горные, мелкие, но струящиеся всей мощью через камни на уральских порогах под Екатеринбургом. Не такая широкая и глубокая, как в Самаре. Другая... Нерль... пожалуй, Нерль в среднем ее течении — самое близкое, что я видел. Мне очень повезло», — думал Петр.

Действительно, до суматошной Москвы — 1 км, при этом такой уголок природы из окна. Лет 15 назад микрорайона Петра еще не было, и природа была гораздо шире, и ей любовались жители другого микрорайона, перед которыми теперь человеки.

По лугу ездил трактор, кося сочную осеннюю траву. Он начал приближаться и привлек внимание Петра. Для него это было дико, из места, откуда он приехал, так не делали. Хотя Петр переехал недавно, но он уже достаточно давно, чтобы понять, что до работы 1 час 20 минут — это быстро, но не настолько долго, чтобы супердоходы москвичей 10-х пролились на него. Там, откуда он, луга вокруг домов называли пустырями и их не косили — денег не было.

«А-а-а-а, я вспомнил — эту территорию забрал застройщик и будет тут строить квартал... не успеет», — отрезал в диалоге с собой Петр.

Петр не был молодым, когда тебе под 50, ты начинаешь понимать, почему та или иная ситуация происходит, и то, что вокруг явно шел экономический кризис, который никто не называл, — он чувствовал. И это ощущение, что вид не изменится, — его поддерживало.

«Не успеют... и уже точно не человеки... конечно, что-то построят, но не то, к чему я привык, и не завтра. Можно наслаждаться красотой, потому что послезавтра может не быть...» Для него такая мысль не выглядела пугающей или фаталистичной. В последнее время на него навалилось много событий, каждое из которых создавало свой отдельный фон, но суммарно это уже была понятная пьеса, которая могла закончиться любым финалом. Просто не быть.

Трактор выписывал сложные фигуры по лугу, отчего картина становилась еще более пасторальной: деревца округлыми свечками, вокруг них покос и речка. Оторваться Петр не мог и смотрел не моргая, считывая данную ему единичную за долгие месяцы возможность прикоснуться к великому.

Тем временем трактор приближался всё ближе и постепенно стал отчетливо виден, тем самым сломав всю картину — из пасторали в индастриал.

Он отошел от окна к обеденному столу.

Петр был консультантом по ИТ в бизнесе. Даже скорее консультантом в бизнесе, чем просто ИТ — он хорошо понимал, как сделать бизнес эффективным. Когда-то давно он делал

это в своем бизнесе, но быстро осознал, что прибыль в системе регулируется откуда-то сверху, и кому-то предположено поднимать цены, а кому-то — фиксировать убытки.

Фиксировать убытки он умел, но не любил. Это не доставляло ему никакого удовольствия, и с бизнесом было покончено. Впрочем, как и с предыдущим проектом — Петр был в поиске нового места приложения таланта. Денег в аккурат на несколько месяцев поиска, кризис в экономике и опыт последних проектов говорили, что дальше будет что-то еще более неадекватное, чем раньше, и вариантов не будет. На крайний случай у него была собрана сумма на операцию, которую он собирался сделать на днях, но после того как он ее сделает — подушки больше не будет.

На кухню зашла дочь, торопливо собираясь в университет.

— Доброе утро, Софья... — выдавил из себя Петр стандартно безэмоционально.

— Доброе, мама что-то передавала? — прощепетала Софья, не сильно рассчитывая на ответ. Ответа не последовало.

— У тебя завтра операция или послезавтра? Там по списку надо было с собой тебе купить творожков и протеиновых пудингов на первые несколько дней, пока есть не сможешь. Я сегодня куплю, успею? — продолжение последовало от нее.

— Спасибо, Софьюшка, успеваешь... Скорее всего, ее перенесут на месяц из-за анализов, я отзвонюсь, — сказал Петр и, привстав, неуклюже приобнял дочь.

Восстанавливая темп после неожиданного сентимента, Софья удалилась и из кухни, и из квартиры, оставив Петра наедине со своими мыслями.

Жена Петра — Анна, работала руководителем среднего звена, но в крупной компании. Формально для средней компании она была бы топ-менеджером. Но в крупной — только среднее звено. Перейти в топ-менеджеры она могла физически и не раз к этому стремилась, но у нее не получалось. Всегда находились какие-то нюансы, которые давали возможность другим занять кресло, а не ей. Умных не любят, а умных женщин — боятся. Но именно ее остроту восприятия мира ценил в ней Петр.

Она рано утром уехала на работу, и до позднего вечера ее не будет. При таком графике жизни единственный ритуал, который у них остался, — вечернее чаепитие. То есть для всех это было уже чаепитие, а для нее — ужин. Такая семья была далека от идеальных представлений о семье у Петра, но большего уже ничего не оставалось, все зачастую развивалось от внешних обстоятельств.

Именно этот факт, что приходится постоянно уклоняться от очередного внешнего фактора, больше всего вымораживал Петра. Можно было планировать отпуск — и остаться без него из-за сокращения на работе. Можно было планировать обучение и понять, что оно не монетизируемо, только в конце обучения. Даже поездка на природу могла сорваться, например, из-за болезни или непогоды чаще, чем состояться.

Петр жил в состоянии неопределенности. Никакого фундамента, базы. Даже законы менялись так быстро, что он уже перестал в них вчитываться, нехотя уворачиваясь от очередного запрета. И он уже не обращал внимания на такие детали, он четко для себя решил: «Если я этого не контролирую, я не могу на это рассчитывать». Это претило его естеству, но найти хоть какую-то опору не удавалось уже десятилетиями. Даже недолгие проекты с интересными людьми в окружении и задачами, требующими максимальной мозговой активности, уже не давали былую отдачу счастья по результату их выполнения. Внешнее безумие довлело сильнее.

Открыв на обеденном столе ноутбук, под маленькое американо он начал перелистывать вакансии в надежде найти что-то разумное. «Так... эти хотят слишком много... не получают... о-о-о-о-о, а тут вообще админ со знаниями в разработке на двух языках за еду... бизнес-аналитик с верификацией кода...». Петра это даже не бесило. Это было давно известное правило — наверх через лояльность. Умом не пройти. Ожидать, что лояльные окажутся в состоянии правильно организовать процесс, — не приходилось, это было редкостью.

«Может перестать? Мимикрировать в лояльную серость? Ведь все же понимают, что бизнес-аналитик не проверит код, но хотят быть обманутыми, и достаточно только подыграть...». Эта мысль давно не давала Петру спокойно созерцать происходящее. Он был вычеркнут из матрицы реальности и хватался за любой проект, имеющий приближенную к реальности сущность. «Маска лояльности и серости в обмен на доступ к власти и деньгам»... Мысль крутилась в голове у Петра все чаще, но совершенно не находила в нем положительного отклика.

«Поищу еще... Надо признаться, за неделю вакансий прибавилось, что-то адекватное может найтись». Но пока не находилось, а пока время шло, количество людей, просматривающих одновременно объявления, росло... Совсем недавно, буквально месяц назад, их было 4, потом 10, сейчас были объявления с более 50 одновременными просмотрами.

«Не может быть такого, чтобы там, наверху денежного потока, совсем не было людей, имеющих представление о бизнесе, экономике. Они же как-то ведут дела и, судя по результатам, успешнее меня. И они точно были раньше, были и в 90-е, были и в 0-е. Искать дальше».

Не найдя ничего адекватного в свежей партии вакансий, Петр начал собираться. У него сегодня было ранее назначенное собеседование с ИТ-директором очередного холдинга, но его отвлекла почта — пришло письмо из медицинской лаборатории. «Петр Александрович Гарчев, 48 лет, антитела на корь... меньше 12 — не обнаружено», и именно это письмо все ставило на свои места — его не возьмут без ревакцинации на операцию. Чтобы получить защиту от болезни — нужна была защита от болезни.

За годы собеседований и бизнес-встреч Петр уже давно для себя делил оппонентов на несколько категорий.

Самая большая категория была — нервные. На этих маска лояльности буквально разрывала их личность. Одни впадали в тик, другие дергали частями тела или кричали без повода. Главное, маска их тяготила настолько, что физически разрушала. Это было печально, но помочь им было невозможно.

Чуть попроще было прибухивающим. Иногда было невозможно даже понять, что перед тобой человек, скрывающий маску алкоголем. Выглядели респектабельно, не пахли и вообще ничего такого, что выделяет в человеку алкоголика. Мелкие нюансы типа небольшой задумчивости. Их надо было ловить.

Но ловить нюансы было приятнее, чем записать человека напротив тебя в дебила. Да, для части людей маска носилась очень органично, как влитая. Им даже не приходилось договариваться с собой. Полная незамутненность сознания. Работать с такими было невозможно. И поэтому, не видя внешних признаков неврозов, Петр иногда провоцировал оппонента:

— Отличная осень в этом году, погоды великолепные, как говорят в Питере — займи, но выпей! — кидал Петр в оппонента и ждал реакцию. И она зачастую была.

Но чаще всего его спасал HR-руководитель, начиная тщательно расспрашивать про пристрастие к алкоголю. Если это было — можно было дальше не гадать. Тут не дебилы, маски клеят на скотч или коньяк, но сами этого стесняются.

Самая редкая категория была — без маски. Но таких он встречал крайне редко и давно записал в вымирающий вид... Динозавры. С такими было легко — главное, оставаться собой, не врать даже самому себе, и все получалось естественно и без напряжения.

Глава 2

Добравшись до МЦК, Петр уселся в удобное кресло, и в этом плюс поездок на собеседования — они не в час пик. Ехать было далеко, торопиться было некуда — ехать на машине большой риск не найти парковку. А в вагоне было тихо; приятно покачиваясь, он одаривал его новыми видами из окна. Можно было бы думать о работе и возможных ответах, уловках — но совершенно не было смысла. Петр надел солнцезащитные очки и решил отдаться созерцанию пейзажа.

Память делает странные вещи — она вдруг выделяет что-то, что уже давно не слышал и не видел. Как будто мощный прожектор кто-то направляет в дальний угол кладовки, и там начинают виднеться вещи, которых, казалось, уже не существует. Так и сейчас.

«Мохинские шохы — лохи» — вспомнил Петр надпись на стенах одного из районов города, глядя на идеальные, чистые от граффити стены МЦК. Это было давно, в начале 0-х, возможно. Он работал там, далеко, в регионе, где в нескольких районах города эти записи появлялись и исчезали периодически на видных участках стен. Демонстративно крупно и отчетливо видно — кистью.

Тогда интернет еще никому не был нужен, чтобы узнавать новости, — все и так знали, кто в городе с кем сейчас делит власть или у кого забирает. Тогда еще были журналисты и криминальные хроники — результаты разборок можно было увидеть в семейном кругу по телевизору прямо во время ужина. Идиллия.

Он часто думал, почему люди СССР превратились в тех, кто устроил эту идиллию. «Помню Новый год, мне лет 8... все дружные, милые, у родителей гости, соседи, и так почти в каждой семье. Мальчики — зайчики, девочки — снежинки. Детское счастье! И буквально те же люди через 5 лет устраивали такую чернуху, что даже репортеры криминальной хроники приобретали специфичный черный юмор патологоанатомов», — заметил про себя Петр.

«Ведь помню, как сосед постарше — спортсмен, в начале 90-х стал приезжать на внедорожнике, а его племянник, младше меня года на 4, в конце 90-х — пошел в тюрьму за убийство, хотя вот прямо в конце 80-х мы с ними отлично катали машинки по ковру на Новый год... мальчики — зайчики».

Тяни все под себя, грызи, если кто-то против, или хотя бы лай, если дотянуться и сгрызть не можешь. Так жила часть людей, но она создавала вокруг себя такую волну, что испачкалась в ней не одна страна. Какая-то часть вдруг решила, что может все, — и ее никто не остановил. «Не вдруг» — осознал Петр, и от такой мысли он сам оторопел.

«Мохинские шохы — лохи» тогда звучало для Петра как неприкрытый вызов обществу... «Мне наплевать! Я вне закона, я рву, и Мохина, и кого угодно, кто встанет на пути».

Одномоментно, за какие-то несколько лет, те «мальчики-зайчики и девочки-снежинки» из позднего СССР надели маски и стали бандитами, раздирающими то, что им не принадлежало, только потому, что могли. Или не надевали, а срывали? Что, если именно они мучились в позднем СССР в масках мальчиков-зайчиков, смотря на уныние текущего мира, и чувствовали себя так, как он сейчас, — опустошенно и без будущего? Что, если они просто сделали все, чтобы не жить как прежде? Но что стало спусковым крючком, разрешившим им внутреннюю свободу действий? Кто им нашептал в ухо: «Бери все!»?

Поезд прибыл на станцию. Выйдя на улицу, Петр еще раз посмотрел на солнце и неторопливо пошел к переходу. Идти было недалеко.

Офис был уютным и современным. Во всем чувствовалась массивность: никаких оупенспейсов и стекла, толстые двери, ковролин плотный, но высокие потолки создавали ощущение объема. Его встретила HR-директор, милая женщина лет 38, хотевшая казаться строже, чем

есть. Впрочем, возможно, она так готовилась к собеседованию, создавая эффект напора. ИТ-директор тоже был около 40, с соответствующей ИТ-директору внешностью. Нет, не хипаря-неформала, тайно по ночам ломающего базы в сети, а мальчика-зайчика, ничего тяжелее мышки в руках не державшего, но решившего, что он как минимум царь зверей.

— Здравствуйте, давайте начнем с главного, с вашего возраста! — начала HR-директор встречу, усиливая напор.

— Мне 48 лет... — безэмоционально ответил Петр.

Явно не ожидая такого простого саморазоблачения, немного обескураженно она задала ему вопрос:

— Зачем вы написали, что вам 38?

Видя, что ИТ-директору это не очень нравится и он скоро прервет эту ветвь диалога, Петр ответил быстро:

— Потому что людей нужно оценивать не по возрасту, а по другим критериям.

У ИТ-директора от ответа лицо прошило тик. «Так, этот хотя бы умный», — подумал Петр. Но работать в такой атмосфере он не хотел. «Ничем хорошим это не кончится. Если ум ходит под маской, значит, у кого-то в коллективе масок совсем нет и они — безумны. Встречаться с безумием я не хочу».

Признаться, дальнейший разговор приятно удивил Петра: разговор был о правильных вещах, и о богатом опыте Петра, и как лучше подойти к проекту, но никакого интереса это уже не вызывало. Тик реально подступал слишком часто. Петр был в меру холоден.

— Было очень интересно с вами поговорить! — отметил ИТ-директор и протянул руку. Петр протянул руку и тоже что-то промышчал в духе великого счастья от знакомства, но выглядело это явно неискренне.

Выйдя на улицу, Петр обнаружил неподалеку неплохую сетевую кафешку. Хотя это и не входило в планы, он решил посидеть там за чашечкой кофе — полистать вакансии, может, за полдня что-то еще появилось ему интересное.

День действительно был по-осеннему красив и ярок. Петр, не раздумывая, выбрал столик у окна, чтобы зафиксировать побольше позитивных эмоций. Перед вакансиями он решил прочитать, что стало с Моховым за все то время, пока он о нем не слышал, благо интернет всегда содержит такую информацию с избытком. «Основал три компании, потом две перешли в другую группу... отжал их его старый бизнес-конкурент... связывают с убийством конкурента по третьему бизнесу, сейчас имеет активы в Москве и вышел на федеральный уровень».

Впрочем, про его бизнес-разборки в 90-х у Петра было гораздо больше информации. Тогда кровь текла ручьем, и Андрей Мохов приложил к этому немало сил, проделывая себе дорожку к «активам в Москве».

Он даже однажды был свидетелем, как Андрей избил до полусмерти какого-то мужика во дворе, который, просто переходя дорогу, замешкался перед кортежем из двух джипов Андрея. Никто не вступился, никто не остановил. И милиция на тот момент даже не стала собирать показания со свидетелей, списав все на несчастный случай, скорее всего.

«Вот так и бывает... если ты не хочешь жить по Закону, ты и не живешь по закону, но я все же думал, что его убьют. А тут — активы», — шмыгнул про себя Петр и, не успев переключиться на вакансии, увидел входящий звонок с неизвестного номера.

— Здравствуйте еще раз! Это Сергей, вы были у нас сейчас на собеседовании, и мы обсуждали ваш опыт по автоматизации промышленного актива!

Петр узнал в собеседнике ИТ-директора, с которым он только что попрощался, и сильно удивился.

— Да, Сергей, я вас узнал. Чем могу помочь?

— Так получилось, что мы смогли обсудить с собственником ваш опыт, и он хотел бы с вами встретиться, надеюсь, вы недалеко уехали и сможете вернуться?

Вся эта идея Петру уже не нравилась. Одно дело поговорить с дергающим глазом Сергеем и другое дело сейчас идти к собственнику и что-то обещать, а обещать придется, раз зовут. «Так глаз начнет и у меня дергаться», — подумал Петр, но работа реально нужна. Отказываться нельзя.

— Я в 10 минутах, сейчас вернусь.

На этот раз Петра встретил Сергей прямо у входа и провел по совсем другим коридорам куда-то вглубь здания. После очередного поворота была большая дверь, массивная и глухая, за ней еще одна шлюзом, и они вошли в просторный кабинет.

Кабинет был отделан совсем в другом стиле. Весь хай-тек и лоск куда-то пропали. Кабинет был обшит красным деревом, и даже кресла в венецианском стиле, обшитые в натуральную кожу, выглядели дорого, но суммарно совершенно не создавали органичного интерьера. На окнах были шторы в пол, и света скорее не хватало. «Дорого-боХато... как дешёвая театральная декорация», — успело пронестись в голове Петра.

— Это Петр! — сказал Сергей и, указав на группу стульев с другой стороны стола, шмыгнул куда-то вглубь кабинета.

В кабинете было еще два человека, Петр осмотрелся — одной из них оказалась HR-директор, второго он не знал.

— Андрей. Меня зовут Андрей. Здесь все мое! — сухо сказал незнакомец и жестко показал указательным пальцем на стул.

— Мне сейчас сказали, что нас кинули, и ты делал похожий проект совсем по-другому — быстрее и дешевле, — не останавливался Андрей.

— Нет, я не говорил, что вас кинули, но реально, если бы вы начали проект с другого конца — результат был бы уже сейчас, потому что часть справочников была бы уже готова и вы смогли бы просто их исполить...

До сего момента спокойный Андрей, не дослушав не менее спокойный рассказ Петра, вскочил, наклонился и резко посмотрел на Сергея.

Петр замер, Сергей перестал дергать глазом, HR-директор в лице не изменилась.

— Вот так, я же предупреждал тебя, что нужно быстрее, почему ты тогда так не сделал? — выпалил Андрей. — Я же говорил, что от этого запуска мы зависим более чем полностью, я вкладываю туда огромные деньги, срок — жесткий... — Он продолжал смотреть на Сергея глазами ярости.

— Еще хоть раз такое, и я приму по тебе решение, — зафиналил Андрей и сел в свое кресло. Казалось, что ярость вышла и он вернулся в спокойствие.

Сергей рассказывал тонким голоском что-то про то, что, выбирая компанию-исполнителя, были решения, как озвученное сегодня, но тогда было принято решение сэкономить, но звучало все так, как будто сам Андрей такое решение и принял, а Сергей был всегда против него. «Пиздец тебе... как ты вообще тут так долго продержался с такими ответами», — подумал Петр, и был прав.

Собственник вскочил и в два шага подошел к Сергею, начав орать ему в лицо:

— Я тебе плачу деньги, ты должен все делать в срок, если ты не можешь делать в срок, я тебя жестко накажу — ты же знаешь, сколько сейчас в проект вложено!

Сергей вжался в себя всеми выступающими частями тела и ничего не ответил, потеряв интерес к такому унижению, Андрей вернулся в кресло.

— В общем, нам надо через 3 месяца, чтобы все работало! К Новому году мы должны запустить этот бизнес — на кону огромные бабки. Сделаешь? — спокойным голосом сказал Андрей, закулив и откинувшись в кресле, посмотрев на Петра на последнем слове.

Глаз у Сергея опять задергался, это считал Петр. «Ого, значит, там много подводных камней, или Сергея реально сольют, если я соглашусь, а напрямую вести такой разговор постоянно — мы тут подеремся рано или поздно... Надо сливаться», — подумал про себя Петр.

— Мы сейчас обсуждали с вашими коллегами проект, но этого совершенно недостаточно, чтобы я мог сказать точный срок. Очень много нюансов надо знать, чтобы дать оценку... — не договорил Петр, как Андрей, бросив сигарету, переместился к Петру и проорал:

— Я тебе говорю — заплачу... бабки... проект к Новому году!

Не то чтобы это первый раз за жизнь Петра с ним разговаривали грубо и жестко, но если раньше это хоть как-то волновало, то теперь нет. «Ты готов платить бабки, но если все сразу сделал правильно, Сергей, скорее всего, справился бы, а со мной так себя вести не надо, сейчас я тебя солью деньгами...» — подумал Петр и выдал что-то про то, что нужно три дополнительных проектных команды, пересмотреть бюджет, да и он специалист не дешёвый... но не блеющим, а спокойным голосом, не шелохнув ни единой жилкой лица.

— Сколько? — не меняя позицию, выдавил сквозь зубы собственник.

Петр замешкался, но отступать было нельзя. У него было правило: всегда в непонятных ситуациях умножать все на 3, и оно всегда работало, потому что, если бы проблем не было — его бы не позвали, а если позвали, то придется переделывать, что уже сделано, и за три месяца это очень жестко. «Правило сработает, умножай на 3, в бюджет поместишься, но ты готов к такому, Петр? Маска вот она... бухать или дергать глазом ты уже решил?» — подумал Петр.

— Около 130 миллионов рублей с этой стадии до запуска в январе, потом еще около 60 за первый квартал, — сухо и уверенно сказал Петр.

На этой фразе и до этого резкий вид Андрея еще раз преобразился. Грань безумия еще раз переломилась, он сел в кресло и надменно из-под губы выцедил:

— Какие 200 миллионов, весь проект сейчас стоил 40 за год... ты меня поймешь решил? Ну давай, посмотрим, кто кого.

В этот момент у Петра по спине поползли мурашки. Во-первых, он получил подтверждение, что он верно оценил первичный бюджет и он был достаточный, а не сделать проект за такой бюджет означало, что в компании тотальное безумие. Во-вторых, он осознал, что уже видел этот безумный надменный взгляд в своей жизни, и он вспомнил где. Тогда... давно... во дворе, именно с таким взглядом Мохов Андрей сел в машину после избиения прохожего. Не было никакого сомнения, что перед Петром был тот самый Мохов — человек из прошлого, хоть и постаревший, но не изменившийся.

«Пиздец...», — подумал Петр. «А оно мне надо?».

— Обычная ставка 600 тысяч в месяц плюс команда, но команду придется усиливать, так как времени очень мало, — выдавил он из себя, потому что молчать было нельзя, а отказаться он уже не мог.

Не изменило.

— 200... 600... — увеличивая темп, начал говорить Андрей. — Если я каждому проходившему буду платить такие деньги, то это что, ты потом меня трахать начнешь? Кто ты? Сейчас вызову охрану и посмотрю на тебя... распустились... — говорил Андрей и с каждым словом становился все ближе и ближе к Петру. Петр сжался, он не любил такое давление, для него это всего лишь бизнес: «да — да, нет — нет» и разошлись, но дело приобретало совершенно другой поворот — «Да кто он такой, что он о себе вообразил?», — успел подумать Петр, и когда лицо Андрея приблизилось на расстояние толщины офисной бумаги, Петр выцедил:

— Мохинские шохы — лохи... — сухо и тихо...

Андрей замер на секунду, покраснел, побагровел, резко развернулся и вернулся в кресло. Потом встал, подошел к сейфу и достал Беретту. Сергей перестал дергать глазом, он оцепенел и побелел, а HR-директор сжалась в точку — они оба как будто вышли из комнаты, но если не совсем, то места в ней перестали занимать точно.

«Пиздец...», — подумал Петр второй раз, и только сейчас он понял, что это реально.

— Кто ты такой, чтобы я делился с тобой своим — делай, не сделаешь, лесов вокруг много, прикопать найду где! — и, достав откуда-то из-под стола магазин с патронами, «—

Сидеть тихо!» — не поворачиваясь, сказал коллегам Андрей, передернув затвор: — На что ты способен? Ты, наверное, уже в штаны надул, но ты не понял — ты мой, ты никто... тут все мое.

— Нет, я в такой ситуации не буду вести переговоры и вынужден отказаться, — собрался словами Петр, хоть как-то попытавшись дать отпор.

Директора и не думали реагировать, сразу было видно, что они такое видели и раньше, и после команды «Сидеть!» они застыли в ожидаемых позах цирковых собачек, разве что языки не достали, но дыхание из их угла явно участилось.

На своем лбу Петр почувствовал холод металла от Беретты. Ему стало одновременно обидно от такого унижения и противно, что он ничего не может сделать. Полная беспомощность.

— Что, злишься? Мечтаешь о пистолете? Да даже если бы он у тебя был — ты бы ничего не сделал. Такие как вы — овцы, чем вас больше стрижёшь, тем больше шерсти, ты создан быть моим рабом.

Удивительно, но никаких мыслей, как в фильмах — пролетающие года, рождение, родители, дети, — ничего в голове у Петра не было. Все это не имело никакого смысла. Он уже не мог отвернуть, как раньше, — это тоже не имело для него смысла, но и как дальше делать — он не знал, он никогда так не делал. Сомнения, страхи — все отступило, ему было совершенно все равно, что будет через минуту, если оно будет.

— Давай проверим? — выцедил Петр первое уместное, пришедшее на ум.

Андрея эта наглость даже позабавила, как позабавила бы говорящая игрушка ползающего карапуза. Он давно ничего такого не слышал, это окрыляло его, он как будто помолодел и вернулся в понятный ему мир — знакомый и родной. Приободренный таким ответом, поигрывая пистолетом, сказал:

— А давай! — сказав игриво, как бы у стола в казино, и, поставив все на zero, катнул пистолет по столу в сторону Петра.

Петр протянул руку, почувствовав в ней пистолет, направил его к голове Андрея. Выстрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.